

ціональныхъ жилищъ для бѣдныхъ. Силія смѣется надъ досто-
почтеннымъ м-ромъ Кезобонъ, его наружностью и манерами;
а Доротея не обращаетъ вниманія на виѣшніе признаки и ви-
дитъ искомаго генія въ 50-лѣтнемъ педантѣ, который успѣлъ
состариться и изсохнуть надъ матерьялами для своего «Ключа
ко всѣмъ міеологіямъ, не написавъ ни строки. Когда Кезобонъ,
въ гостяхъ у м-ра Брука, начинаетъ мѣрно и плавно излагать
свои взгляды въ длинныхъ, строго обдуманыхъ періодахъ—съ
требуемой его достоинствомъ сдержанностью и снисхожденіемъ
къ темнымъ людямъ;—или когда онъ, съ тѣмъ же чувствомъ
своего превосходства, выслушиваетъ другихъ внимательно при-
гнувъ голову (давая бесполезный урокъ тѣмъ, кто склоненъ пе-
ребивать рѣчь авторитетныхъ людей)—читатель злится, Силія
продолжаетъ свои насмѣшливыя наблюденія, а Доротея внима-
етъ восторгомъ. Кезобону, снѣдаемому глубоко-скрытыми извами
самолюбія, сладка эта невольная дань удивленія молодой души,
одаренной къ тому же весьма привлекательной виѣшностью. Въ
его лысой головѣ возникаютъ вновь давно забытыя не мечты
конечно—не для нихъ сотворена его голова—а соображенія, на-
счетъ желательности союза съ этой достойной дѣвицей, соеди-
няющей въ себѣ, повидимому, всѣ данныя для его благополучія
(т.-е. способной быть благоговѣйнымъ домашнимъ секретаремъ,
нѣжной сидѣлкой и сверхъ того скрашивать своей женственной
прелестью минуты отдохновенія ученаго). Размышленія эти, по
маломъ времени, приводятъ его къ сватовству.

Длинное и обстоятельное письмо, въ которомъ Кезобонъ дѣ-
лаетъ предложеніе миссъ Брукъ, совершенство въ своемъ родѣ.
Отъ его разбѣренныхъ періодовъ, съ цѣлой ратью вводныхъ
предложеній (отчасти заключенныхъ въ скобки), вѣетъ тупымъ и
узкимъ себялюбіемъ, книжной пылью, умственной и сердечной
плѣсенью. Но цитата изъ Донъ-Кихота поставлена авторомъ въ
эпиграфъ не даромъ. Доротея принимаетъ предложеніе, и ея
краткій отвѣтъ краснорѣчиво передаетъ торжественное и радост-
ное бѣніе молодого сердца передъ перспективой служенія ве-
ликому человѣку. Невозмутимая Силія плачетъ отъ досады и
жалости.

Хотя Дж. Эліотъ дала понять заранѣе, что 20-лѣтняя До-
ротея наивна не по годамъ,—такая слѣпота поражаетъ непріятно
не одну Силію, симпатичнаго сэра Джемса и друзей дома, но и
читателя, потому что Кезобонъ сразу весь на лицо. Справедливо
отмѣчая этотъ промахъ художника, вредящій иллюзіи и набра-
сывающій тѣнь излишней простоты на героиню, критикъ «Cognh.